

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

Проблема соотношения осознаваемой и неосознаваемой когнитивной деятельности в процессе принятия решений исследуется с точки зрения сознательного контроля субъекта. Неосознаваемое содержание сознания и неосознаваемые процессы предваряют и зачастую определяют результаты принятия решений, а также участвуют в установлении конечного эффекта осознания принятого решения. Это позволяет автору не разделять осознанные и бессознательные стороны принятия решений, а рассматривать их как аспекты единой деятельности.

Ключевые слова: принятие решений, сознание, осознание, бессознательное, интуиция.

Принятие решений является не только важнейшей функцией руководителей в любой отрасли человеческой практики, но и фундаментальным аспектом всех форм человеческой деятельности. В основном, как традиционно считается, в широкой сфере принятия решений доминируют два рода общих стратегий – рационально осознанные и интуитивно бессознательные, причем обе имеют сильные и слабые стороны. И хотя большинство привыкло приписывать абсолютно все свои действия сознательному мышлению, есть множество процессов, происходящих вполне бессознательно, например утреннее одевание или рутинная поездка на работу. Многие при этом даже не могут вспомнить, как именно они ехали и что видели по дороге, поскольку когнитивные процессы в данном случае высоко автоматизированы, а потому и весьма эффективны.

Сознание хорошо действует по правилам, но бессознательное может обрабатывать большее количество информации. Бессознательное мышление может при этом быть более надежным, чем сознательное, например, в ситуации психофизической усталости. Работа подсознания, которое продолжает поиск нужного решения, сопровождает осознанную деятельность, сосредоточенную

на других вопросах, необходимых для принятия важных решений. В момент, когда сознание занято посторонними задачами, не прекращается процесс бессознательного размышления над важным решением. Через некоторое время можно неожиданно для себя прийти к правильному выводу без скрупулезной и рациональной оценки возможных вариантов.

Определенные преимущества бессознательных ментальных процессов над сознательными могут объясняться сравнительной ограниченностью объема последних – примерно семь информационных единиц одновременно против потенциально безграничных ресурсов бессознательного. На качество осознанного выбора может также негативно повлиять личная заинтересованность в результатах решения. Она, конечно, помогает при решении простых задач, усиливая внимание и снижая вероятность случайных ошибок, но в ситуации сложных задач и огромной зависимости от результатов их решения примешиваются эмоциональные факторы – волнение, боязнь совершить ошибку, что и приводит в итоге к ее совершению. Поэтому многие лица, принимающие решения, считают, что они, конечно же, должны взвешенно и рационально рассмотреть все варианты принимаемого решения, но при

этом говорят, что «утро вечера мудренее» и окончательное решение может быть сделано подсознанием во сне.

Распространенные и полумифические истории о ночных озарениях поэтов, научных открытиях Архимеда, Ньютона и Менделеева часто приводятся в подтверждение силы бессознательной интуиции, которая неустанно проявляется в разнообразных ситуациях человеческой жизни. Все это стало настолько широко растиражированным, что почти не вызывает сомнений в своей истинности даже у специалистов. Известный исследователь управленческих решений В. С. Диев не сомневается в том, что «интуиция опирается на зафиксированную мозгом информацию. Не всегда эта информация становится достоянием сознания и может быть точно описана словами или представлена другими логическими формами, т. е. речь идет о сигналах, воспринимаемых подсознанием. Здесь важен сам факт существования информации, ее наличия в мозге человека, принимающего решение, ибо только в этом случае возможен акт принятия решения на интуитивном уровне» [2007. С. 41]. Разделяя в общем и целом философские позиции В. С. Диева, проблематизируем так и оставшийся загадочным сам «акт принятия решения на интуитивном уровне». Кто является *субъектом этого акта*, если интуиция принадлежит сфере бессознательного?

Энциклопедический анализ исторически сформировавшихся концепций в понимании сущности и природы интуиции, предпринятый в посмертной работе А. С. Кармина [2011], приводит к неутешительному выводу, что в философии и науке под общим понятием «интуиция» скрывается огромное и противоречивое множество различных идей и представлений. Проблематичность определения статуса и референта этого понятия объясняется субъективностью его проявлений и разнообразием оттенков его смыслов в разных теоретических контекстах, а также во многих сферах творческой деятельности человека. Отсюда распространенный прием помещать все не до конца понятное в сознании под таинственный покров интуиции. Это же применяется и к сфере принятия решений, где к интуитивным скопом относят все виды иррациональных, алогических, неформализованных решений, выходящих из-под актуального осознанного контроля субъекта их принятия.

Есть решения, где считается, что сознательное мышление преобладает, например, в случаях применения алгоритмизированных правил. Но когда требуется синтезировать огромное количество информации, полагается, что бессознательное мышление становится более продуктивным. Сознательное мышление оправдано при выборе вариантов, соответствующих определенным правилам, например при выборе квартиры с условием не рассматривать нижний и верхний этажи. Если же нужно выбрать лучший вариант с большим набором разнообразных требований, то бессознательное мышление считается предпочтительней. Поэтому лучшей стратегией принятия решений считается одновременное использование сознательной и бессознательной сторон психики. Чаще всего простые проблемы решаются с помощью рассудочного мышления, но при этом люди зачастую сами ограничивают свой интеллект, полагая, что сложные проблемы решаются значительно труднее. В этой ситуации в качестве наилучшего выхода выступает доверие собственному бессознательному, которое понимают как процесс мышления или рассуждения, происходящий вне сознательного контроля.

Многие философы, не найдя удовлетворительного решения проблемы бессознательного, обращают свои надежды на быстро развивающиеся когнитивные науки и экспериментальные исследования в нейрофизиологии. Мы также убеждены, что современные философские рассуждения без опоры на новейшие научные данные будут принципиально неполными и неудовлетворительными. Проблема взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых аспектов познания стала важнейшей в исследованиях когнитивных наук в последнее время, когда были накоплены эмпирические данные, демонстрирующие различные неосознаваемые влияния прошлого опыта на мысли, эмоции и поведение человека. Многие феномены, обнаруженные в исследованиях процессов восприятия и памяти, были объединены термином «*когнитивное бессознательное*».

Представители когнитивной психологии по-разному оценивают роль сознательно контролируемых и неосознаваемых процессов в результативности и эффективности мышления. Одни указывают на необходимость усиления сознательного контроля, подчеркивая, что усвоение абстрактных

правил и категорий возможно лишь в осознанном режиме, другие утверждают, что существенная часть когнитивной деятельности происходит на не доступном для осознания уровне. Более того, во многих исследованиях показано, что попытки сознательного контроля могут снижать эффективность решения некоторых типов задач в приобретении моторных навыков.

Например, европейские нейробиологи под руководством Бирта Фортсмана провели серию экспериментов над здоровыми, обладающими хорошим зрением, праворукими добровольцами, которые проходили стандартный тест на скорость и верность реакции [Vogacz et al., 2010]. На экране им показывали облако точек, перемещаемое вправо или влево, и надо было как можно скорее определить направление движения и нажать нужную кнопку. Но поскольку двигающийся объект не представлял собой единое целое, сделать это довольно сложно, поэтому подобный тест зачастую применяют для оценки внимательности и скорости реакции. В описываемом эксперименте была выявлена обратная пропорциональная зависимость между временем и качеством ответов – чем быстрее отвечал человек, тем больше он делал ошибок. Для выявления особенностей работы головного мозга осуществлялось сканирование магнитно-резонансным томографом, которое показало: в мозге, действующем быстро и ошибочно, кора возбуждает «полосатое тело», которое формирует сложные поведенческие реакции и регулирует тонус мышц. Это возбужденное тело перестает тормозить скопления нейронов, расположенные в белом веществе полушарий – базальных ядрах. А поскольку эти ядра не только интегрируют работу нервной системы, но и регулируют двигательные и вегетативные функции, то, лишенные контроля, они уже не позволяют человеку задумываться над чем-то, даже если ему самому этого хочется. Тогда возникает вполне резонный вопрос: насколько этот человек может считать себя суверенным субъектом принятия решений?

И вот уже пресса реагирует заголовками типа «Сканеры мозга могут увидеть ваши решения еще до того, как вы их сделали» на исследование группы ученых под руководством Джона-Дилана Хайнеса, результаты которого были опубликованы в онлайн-версии *Nature Neuroscience* 13 апреля 2008

года. Здесь испытуемым предлагали самостоятельно принимать решение, на правую или левую кнопку надо нажать сразу после выбора этой кнопки. Активность мозга регистрировалась с помощью функционального магниторезонансного имиджинга (фМРИ) – метода, позволяющего регистрировать небольшие локальные реакции кровотока на нейронную активность в мозгу. Момент сознательного принятия решения вычислялся по тому, какую букву испытуемый видел на экране, когда принимал решение.

Выяснилось, что лишь в 1,4 % случаев принятие решения предшествовало нажатию кнопки более чем за 1,5 с. В сравнении с этим временем момент, когда по активности в некоторых структурах мозга уже можно было судить, какая из двух кнопок будет нажата, отстоял от момента принятия решения на довольно большую величину – 7 с. Сделав поправку на инерционность метода фМРИ, экспериментаторы отнесли время появления предвестников будущего решения за 10 с до момента принятия решения [Шишкин, 2008]. Эксперименты группы Хайнеса напоминают знаменитые опыты американца Бенджамина Либета, который показал, что изменение суммарного электрического потенциала мозга, предшествующее движению, можно зарегистрировать еще до того, как испытуемый принимал такое решение, точнее, до кажущегося момента принятия решения.

Но действительно ли эти эксперименты доказывают, что уже до того, как нам кажется, что мы приняли решение, оно уже было принято нашим мозгом? Прежде всего, вызывает сомнение то, что шестидесятипроцентная вероятность предсказания решения оказалась лишь немного выше случайного уровня в 50 %. Кроме того, исследователи предполагали, что сознание испытуемых будет работать по принципу «все или ничего» и что в нем не будет признаков даже предварительных намерений совершить тот или иной выбор, а затем решение будет приниматься сразу и целиком. И хотя испытуемых просили сразу нажимать на кнопку, как только они чувствовали позыв это сделать, может быть, они не всегда решались давить на кнопку при самых ранних проблесках сознательного выбора, не будучи полностью уверенными, что вполне различили свои намерения? Но тем не менее в общем и целом методический

уровень исследования весьма высок, поэтому маловероятно, что возможные технические ошибки полностью редуцировали бы значимость его результатов.

Можно считать эти результаты хорошим стимулом к философскому рассуждению о свободе личности в принятии решений. В этом смысле работа группы Хайнеса может представиться движением в направлении практически полного исключения возможности свободной воли. Отметим, что даже Фрейд, утверждавший огромную роль бессознательного, в своей модели психики все же оставлял функцию принятия решений за ее сознательной частью – «Я». А вот среди современных исследователей такого уважения к сознанию еще меньше, причем Хайнес вовсе не одинок в своей решимости отрицания свободы сознательно принимать решения. Например, ставшее уже довольно известным исследование процесса принятия решений покупателями, результаты которого опубликованы в *Science*, показало, что некоторые сложные решения, требующие анализа большого объема информации, оказываются удачными тогда, когда принимаются бессознательно.

В описываемой серии экспериментов Дайкстерхауза с коллегами, участники выбирали в интернет-магазине один из сорока товаров, поделенных на три группы: простые, которые описывались четырьмя свойствами, средней сложности, чьи описания включали по 8 свойств, и сложные, описываемые 12 свойствами. Участники должны были либо четыре минуты размышлять над своим выбором, либо это же время решать разные головоломки. В результате, в случае простого выбора сознательное размышление было более успешным, а в случае сложного выбора бессознательное мышление показало бóльшую эффективность. Задачи средней сложности особой разницы между сознательным и бессознательным мышлением не выявили [Dijksterhuis et al., 2006]. Итак, получается, что сознательные раздумья нужны лишь при покупке простых вещей, типа мыла и носков, а вот покупка машины или квартиры требует уже интуиции.

Авторы теории бессознательного мышления при этом признают, что интуиция мало успешна при решении задач со строгими правилами. Кроме того, можно поставить под сомнение методологию Дайкстерхауза, эксперименты которого имеют свои ограни-

чения. Во-первых, было очень жестко задано время на раздумья, причем оно, возможно, даже превышало время, которое обычно нужно для принятия решения в подобных ситуациях. Это вполне могло привести к эффекту «перегорания», известному многим учащимся по необоснованным сомнениям и исправлениям правильных ответов на неправильные при слишком долгих размышлениях над уже решенной задачей. К тому же сами задачи заключались только в сравнении свойств товаров и выборе наиболее оптимального варианта по соотношению количества позитивных и негативных качеств. Но в реальных жизненных ситуациях некоторые качества, например неприемлемо высокая цена, могут перевесить все иные положительные свойства товара.

Достижения когнитивной психологии и нейробиологии породили идею о том, что постоянно растущие знания о человеческом мозге и поведении могут помочь ответить на вопрос о свободе воли в принятии решений. Некоторые исследователи уже считают, что полученные результаты предоставляют все больше исчерпывающих доказательств в пользу того, что все так называемые свободные действия полностью предопределены каузальными процессами в мозгу. Но даже если объяснять все каузально, у каждого сознающего человека есть личный опыт переживания свободного выбора, когда можно действовать при условии открытости реальных альтернатив. Невозможно понять, как мы поступаем, свободно принимая решения, если не исходить из понимания свободы воли, как того, что действие не предопределяется достаточными каузальными условиями.

Но здесь возникает вполне резонный вопрос: может, все это иллюзия? Что, если продолжение когнитивных исследований детерминации выбора в итоге докажет, что сознательный выбор практически всегда является иллюзией и что сознание лишь ведет мониторинг результатов сложной бессознательной деятельности по принятию решений? Да, действительно, нейробиологические и когнитивные исследования могут установить, что «свободная воля» всего лишь иллюзия, но только эта иллюзия позволяет нам действовать, принимая решения при ощущении наличия свободы.

На уровне здравого смысла вряд ли кто согласится с тем, что у него нет никакой

возможности самостоятельно принимать полностью свободные решения. Вспомним обыденную практику принятия решений, например, в предложении стюардессы выбрать рыбу или мясо на обед. Мы же не станем рассуждать в таком духе, что, дескать, я детерминист, поэтому давайте подождем, какое решение примет само собой. И даже отказаться от принятия решения можно лишь при условии, что существует свобода отказываться.

Это не доказывает самого факта наличия свободы воли, а лишь показывает, что свободная воля существенно отличается от других ментальных представлений. Принимать решения можно, сознавая, например, что оптические иллюзии действительно являются иллюзорными эффектами восприятия. Но вот принимать жизненно необходимые решения можно только при условии, что они действительно являются *моими личными* решениями, что я сам решаю, что я собираюсь сделать. Если же отказаться от свободы как условия, поскольку все мои продуманные решения и все мои усилия найти еще более верные решения были всего лишь эпифенонами, сопровождающими внешний для меня, объективный процесс принятия решения, то во всех моих поступках нет никакой разницы. В этом случае детерминизм полностью нивелирует все усилия, приписываемые индивидом самому себе, ведь я вообще могу принимать свободные решения при условии, что мог бы решить иначе. Вся мораль и чувство вины – пустая болтовня, если я ничего не могу изменить. Но тогда не существует и ответственности, потому что каждый сможет сказать: это не я, это моя нейронная система виновата в том, что я сделал.

Проблема состоит еще и в том, что наше сознание не всегда доверяет бессознательному, в особенности его способности думать рационально. Но сознание не столь логично, как оно думает о себе, и склонно к искажению реальности и фактов. Соотношение осознаваемого и неосознаваемого в процессе принятия решений не является стабильным. С одной стороны, в процессе принятия решений осуществляется переход неосознанно приобретенного, имплицитного знания в осознанное, эксплицитное. Данный переход часто описывается как интуитивное озарение, инсайт. С другой стороны, сознательно контролируемое превращается в ав-

томатическое, и тогда говорят о формировании навыка.

Фрейд считал, что самые сложные формы поведения вполне возможны без помощи осознания. В самом деле, такого феномена, как «принятие решений», как мы его себе представляем, не обнаруживается у других животных, которые, кажется, прекрасно выживают без этого. Вполне вероятно, все их поведение находится в бессознательном состоянии. Фрейд допускал наличие в человеческой психике особых механизмов, ответственных за перевод информации между сферами осознаваемого и бессознательного. Он назвал психический механизм, принимающий решения о допуске бессознательного содержания в сознание, цензурой, а механизм, ответственный за перевод информации из области осознаваемого опыта в бессознательное – вытеснением. Неосознавание или искажение воспроизводимой информации может иметь вполне определенную причину либо установку, поэтому забывание является следствием принятого сознанием решения не осознавать.

Эксперименты когнитивных психологов показали, что сознание способно обрабатывать информацию вне осознаваемого контроля вплоть до семантического уровня, а ранее не осознанная информация обуславливает эффекты осознания в процессе дальнейшей познавательной деятельности. Следовательно, в актуальный момент времени не осознается не только работа всего сознания, но и не все содержание сознания. Особо отметим, что существующее до сих пор в науке деление когнитивных процессов на осознаваемые и неосознаваемые, контролируемые и автоматические, эксплицитные и имплицитные пока не привело к созданию единой теории. Остается до конца неясным, каков оптимальный уровень сознательного контроля в задачах по принятию решений и каким образом можно контролировать ход принятия решений. Эти и другие вопросы свидетельствуют о том, что проблема участия сознательного контроля и бессознательного в выполнении когнитивных задач по принятию решений нуждается в дальнейших эмпирических исследованиях и их философском осмыслении.

А. Ю. Агафонов доказывает, что принятие сознанием решения об осознании или неосознавании является необходимым этапом построения когнитивного процесса,

причем на принятие этого решения существенное влияние оказывает как ранее осознанный, так и ранее не осознанный опыт [2007. С. 291]. При интерпретации наличной ситуации сознание ориентировано прежде всего на защиту тех своих гипотез и догадок, результат которых уже был ранее осознан, т. е. то, что уже было однажды осознано, имеет тенденцию осознаваться и в следующий раз. Но ранее осознанный выбор не предопределяет однозначно эффекты осознания, а лишь в значительной мере влияет на принятие решения об осознании в последующей когнитивной деятельности. Не удивительно поэтому, что на практике принимающий решение субъект нацелен в основном на подтверждение и защиту своих ранее осознанных представлений, в том числе и о самом себе. Тем не менее только реакция на критику в конфликтных ситуациях стимулирует развитие собственных осознанных представлений, помогает ревидовать и корректировать накопленное знание, что в конечном счете способствует принятию наиболее конструктивных решений.

Однако нужно ли отождествлять свободу принятия решений с необходимостью осознания процесса их принятия? Не будет ли более правильным научиться воспринимать бессознательные процессы, идущие в мозге, такой же неотъемлемой частью сознания, как и то, что актуально осознается? Ведь в большинстве ситуаций принятия решения мы не имеем достоверных представлений и аргументированных предположений относительно формирования способов обработки информации, этических мотивов или эстетических предрасположенностей в нашем сознании. Даже элементарный акт распознавания формы или размера объекта уже потребует набора сложных геометрических преобразований, которые не могут быть полностью осознаны. Стивен Пинкер в книге «Язык как инстинкт» приводит множество аргументов в пользу наличия в сознании неосознаваемых алгоритмов, ответственных за «ментальную грамматику». Рассмотрев данные антропологии, лингвистики, психологии и других наук, он приходит к выводу, что «мы настолько же не осознаем процесс функционирования языка, насколько муха – причину откладывания ею яиц» [2004. С. 13].

Весьма впечатляющие и убедительные примеры того, что основные виды сложной

когнитивной деятельности осуществляются вне осознания, под влиянием «бессознательных инстинктов на то, что мы привыкли считать рациональным волевым поведением», можно найти в работе Леонарда Млодинова «(Нео) сознание» [2012. С. 16]. Многочисленные исследования, проведенные в русле когнитивного подхода, доказали, что явления сознания присутствуют даже тогда, когда сам субъект сознания не может о них достоверно судить в результате интроспективного анализа. Поэтому разнообразные указания на то, что сам носитель сознания не всегда способен уверенно описать функционирование процессов своего сознания, не могут свидетельствовать об их отсутствии и о преобладании в принятии решений бессознательных форм деятельности.

Все это позволило крупнейшему современному специалисту в философии сознания и языка, Джону Серлю, утверждать, что у нас «не может быть иного понятия бессознательного кроме того, которое потенциально сознательно» [2002. С. 148]. Называя состояния, которые в принципе доступны сознанию, «неглубинным бессознательным», а состояния, недоступные сознанию даже в принципе, «глубоким бессознательным», Серль доказывает, что «не существует глубоко бессознательных интенциональных процессов» [Там же. С. 156]. В процессе принятия решений, вероятно, действуют лишь те проявления бессознательной психической деятельности, которые являются потенциально сознательными, существование же иных бессознательных и таинственных интуитивных феноменов, в принципе не доступных осознанию, вряд ли можно рассматривать в рамках рационального дискурса.

Опираясь на полученные когнитивными науками экспериментальные факты, можно предположить, что все содержание сознания в процессе принятия решений необоснованно отождествлять с осознаваемым содержанием. Вместе с тем те, кто считает эмпирически доказанным, будто сложные решения часто принимаются вообще без участия сознания, следуют заблуждению дихотомии сознания и бессознательного в целостной когнитивной деятельности. Результаты экспериментов и логических умозаключений свидетельствуют, что сознание имеет латентное содержание, о котором не представ-

ляется возможным субъективно судить ни в какой момент времени, следующий за моментом его существования в сознании.

Неосознаваемое содержание сознания и неосознаваемые процессы, предваряющие и зачастую определяющие результаты принятия решений, вместе с тем участвуют в установлении конечного эффекта осознания принятого решения, что позволяет не разделять осознанные и бессознательные стороны принятия решений, а рассматривать их как аспекты единого целого.

Список литературы

Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара: ИД «Бахрах-М», 2007. 336 с.

Диев В. С. Неорационализм в философии управления // Мир философии – мир человека. М.: Гуманитарий, 2007. С. 30–45.

Кармин А. С. Интуиция. Философские концепции и научное исследование. СПб.: Наука, 2011. 904 с.

Млодинов Л. (Нео) сознание. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. М.: Livebook, 2012. 360 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. 456 с.

Серль Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

Шишкин С. Свобода воли как функция бессознательного // Троицкий вариант. 2008. Вып. 2 (807). С. 4.

Bogacz R., Wagenmakers E.-J., Forstmann B. U., Nieuwenhuis S. The Neural Basis of the Speed-Accuracy Tradeoff // Trends in Neuroscience. 2010. Vol. 33. P. 10–16.

Dijksterhuis A., Bos M. W., Nordgren L. F., van Baaren R. B. On Making the Right Choice: The Deliberation-Without-Attention Effect // Science. 2006. Vol. 311. P. 1005–1007.

Материал поступил в редколлегию 04.03.2013

V. I. Kudashov

THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS IN DECISION-MAKING

The paper treats the problem of correlation of the conscious and unconscious cognitive activity in decision-making process from the point of view of conscious control of the situation. The unconscious content of consciousness and unconscious processes precede and often determine the results of decision-making, as well as participate in the establishment of the final effect of awareness of the decision. This allows the author not to differentiate between the conscious and unconscious parts of decision-making and to consider them as aspects of a single activity.

Keywords: decision-making, consciousness, awareness, unconscious, intuition.